

Бессмертие животных в оптике русского космизма: научные и религиозные аспекты

Е. Е. Звонова

Екатерина Евгеньевна Звонова, кандидат философских наук, доцент института социальных наук, Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет); старший научный сотрудник, Центр исследований космизма, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН). 119048, Москва, ул. Трубецкая, 8, стр. 2.
E-mail: inflammatur@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу научных и религиозных аспектов феномена бессмертия животных в философской оптике русского космизма. Раскрывается идейная преемственность между русским космизмом и православной традицией, для которой обладающие значительным экологическим потенциалом «космические», а также «воскресные», пасхальные мотивы свойственны более, нежели для католицизма и протестантизма. Обосновывается следующая точка зрения: особое место человеческого существа в христианской картине мира, специфический для исторически христианских культур антропоцентризм не предполагают по умолчанию формирования мировоззрения, характеризующегося превозношением человека над тварным миром и животными, не подразумевают в обязательном порядке этически неоправданного спесицизма. Анализируются специфические черты людей и животных, согласно христианству, раскрывается связанная с грехопадением, утратой райского состояния вина человека по отношению к нашим меньшим братьям, его моральное превосходство над ними, приводятся религиозные доводы в пользу признания бессмертия представителей животного мира. Подчеркивается отсутствие разрыва между религиозно-философской и естественнонаучной ветвями космизма, пронизанность мышления ученых-космистов паттернами православного мировоззрения и национального менталитета. Идеи В. И. Вернадского об автотрофном человечестве и его влиянии на биосферу рассматриваются в качестве проявления тенденции к освобождению животных от «естественного» смертоносного порядка. Раскрывается имморталистическое содержание воззрений В. Ф. Купревича, обозначается уместность распространения перспективы обретения бессмертия посредством науки на животных. Обосновывается положительная роль техники в том, что касается избавления животных от смерти. Освещается «анималистический иммортализм» искусства русского космизма.

Ключевые слова: русский космизм, бессмертие, животные, экология, антропоцентризм, спесицизм, автотрофное человечество

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-92-104

Основоположник русского космизма Н. Ф. Федоров воспринимал созданное им учение как «активное христианство», не претендуя на создание чего-то принципиально нового, но ощущая

себя православным верующим, обращающим внимание на те аспекты православного мировоззрения, которые чаще всего остаются нераскрытыми или понимаются не вполне буквально. В отличие от католической и протестантской традиций, православная делает акцент на воскресении Христа, а не на пришествии его в мир (недаром главный праздник восточного христианства — Пасха, западного — Рождество). Кроме того, православие является наиболее «космичной» христианской конфессией, и это закономерно, учитывая, что его средоточием долгое время была Византия, ставшая преемницей «космоцентричной» античной философии; недаром Григорий Нисский говорил о космосе «Чудесно сочиненный гимн». Безусловно, «космические» и «воскресные» мотивы встречаются и в западном христианстве (достаточно вспомнить проповеди Франциска Ассизского, обращавшегося к одушевленной и неодушевленной природе, и утверждения Мартина Лютера о грядущем воскресении его пса Толпеля в виде новых толпелей «в шкуре из золота и серебра»); речь идет лишь о большей выраженности соответствующих веяний в православии. Неудивительно, что «воскресительные» мотивы и космическое мироощущение пронизывают космизм как продолжение православного христианства, как «Новую Пасху», учение об общем деле преобразования двуединого космоса, микро- и макрокосма (Гачева, 2020).

Показательны суждения православного философа и защитницы прав животных Т. М. Горичевой: «В православии (особенно в русском) космизм является неотъемлемой частью мироощущения и мировоззрения. Даже светская научная мысль в России движется в том же направлении: освоение космоса, идея о ноосфере» (Горичева, 2010: 11). Нетрудно заметить, что среди проявлений отечественной «светской научной мысли» указаны концепты, которые характерны для русского космизма, не только впитавшего православные паттерны, но и ставшего отражением русского менталитета. Сам Н. Ф. Федоров считал масштабные проекты вроде освоения космоса соответствующими русскому характеру: «Ширь Русской земли способствует образованию подобных характеров; наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига» (Федоров, 1995–2000, т. I: 254). Идея ноосферы является формально светским и получившим научное обоснование аналогом интуиций соборности, «всемирности», «всечеловечности». Несмотря на стремление ученых к объективности, научное познание несет на себе отпечаток культуры, определяющий, какие аспекты реальности будут замечены в первую очередь, а также до определенной степени стиль исследования (Гачев, 1993).

Признавая важность учета религиозных и национальных, культурных факторов для понимания духа русского космизма, следует избегать его «приватизации». Сущность данного направления мысли, как можно судить по самому названию, не только в «русскости»,

но и в «космичности», т. е. универсализме; два обозначенных аспекта находятся в диалектическом единстве-противоборстве, невозможно друг без друга, подобно инь и ян. Соборность противопоставлена пагубному обособлению, самоизоляции людей и идей, мнимой непреодолимости национальных и конфессиональных границ. Вполне закономерно, что сходные с воззрениями русских космистов взгляды высказывали и зарубежные мыслители, хотя их идеи не составили отдельного течения. Наиболее известным среди них, безусловно, является французский католический теолог, философ и ученый П.-Т. де Шарден, глубоко осмысливший и прочувствовавший космические и воскресительные смыслы христианства (Семенова, 2009; Гачева, 2021a). Многие обстоятельства жизни этого человека весьма символичны: камни и минералы с детства привлекали его своей прочностью, «бессмертием», хотя позднее он связал упования на вечную жизнь с религиозной интерпретацией эволюционных воззрений; богослов признавался, что хотел бы умереть в Пасхальное воскресенье — так и случилось... Идея «Вселенской мессы» де Шардена родственна концепту «внехрамовой литургии» Федорова: оба распространяют таинство преображения («вовне»), на мировые процессы, освящают и космизируют окружающую реальность.

Очевиден во многом обусловленный религиозными корнями потенциал русского космизма для формирования экологического сознания (Платонова, 2004), бережного отношения к творению и всяческой твари, так же (если не более) страдающей от «вытесняющего», разобщающего, смертоносного порядка мира, как и сам человек. «Царь природы» не имеет морального права расстраивать гармонию «чудесно сочиненного гимна». Однако, согласно ключевой для космизма идее активной эволюции, человек не просто может, но должен ввести свой голос в «общий хор», чтобы его свобода не была, по выражению Ф. И. Тютчева, «призрачной», чтобы в ней сознавался не разлад с природой, но высшее проявление разумности естества (Тютчев, 1987: 220). Экологическая составляющая космической философии особенно актуальна сегодня: «В наше время темы природы, “окружающей среды”, безмолвного (и от этого еще более жуткого) страдания твари самым прямым образом связываются с христианской идеей спасения. От человека зависит судьба Земли и космоса, и от судьбы Земли и космоса зависит то, выживет ли человек физически и духовно» (Горичева, 2010: 9).

Сказанное выше позволяет утверждать, что свойственный исторически христианским культурам антропоцентризм не обязательно имеет своим следствием гордынное превозношение над миром вообще и животным миром в частности, не подразумевает по умолчанию этически неоправданного спесишизма (Коростиченко, 2022; Кнорре, Кнорре, 2022). Людям вовсе не следует отказываться от присущих им специфических качеств, чтобы по-человечески относиться к братьям нашим меньшим. Не обязательно прибегать к экспериментам, призванным освободить нас от «человечности», вроде опы-

та «Да живет лошадь во мне» французской художницы Марион Лаваль-Жанте, которая под наблюдением ученых вводила в свое тело иммуноглобулины крови лошади (Криман, 2023).

Человек не тождественен животному: он обладает самосознанием и разумом и с христианской точки зрения изначально создан по образу и подобию Творца, поставлен над творением и тварью, наделен свободой выбора. Именно Адам, согласно Книге Бытия, нарекает имена животным, определил их, тем самым обозначив пределы, за которые их существование «не выходит». Однако особое положение человека в тварном мире не предполагает его «лучшести» и наличия права жестоко эксплуатировать окружающую реальность. Если те же животные определены и потому конечны, завершены, совершены, в некотором смысле совершенны, то человек представляет собой незавершенный проект, он может лишь стремиться к божественной бесконечности, будучи способным сколь угодно близко подойти к Богу, но вовек не достигая предела, не становясь Богом. Человек никогда не совершён и потому уступает животным в совершенстве. В отличие от них, он грешит, поскольку наделен свободой, неразрывно связанной с моральной ответственностью, и может не только бесконечно высоко вознестись, но и бесконечно низко пасть. Человек виноват перед животными, поскольку своим грехопадением обрекает их на подчинение вытесняющему, неразрывно связанному со смертью и взаимным истреблением порядку.

Будучи лишенными человеческих недостатков, представители животного мира, согласно христианским преданиям, порой превосходят людей в надлежащих последним достоинствах. Можно вспомнить Валаамову ослицу, зверей, которые отказывались вредить мученикам или даже защищали их, животных, стремившихся к святым отшельникам, обоняя, по выражению Исаака Сирина, «запах рая». Таким образом, при определенной интерпретации христианство склоняет к весьма радикальному выводу: животное, принципиально отличаясь от человека, достойнее последнего. Зверя нельзя обвинить в недостаточном соответствии собственной природе, но он заслуживает восхищения, когда успешно справляется с человеческим предназначением, предаваемом людьми. Порой кажется, что на животных вся надежда: «Бог умер, в еще большей степени умер и человек. Осталось лишь животное» (Горичева, 2010: 46). И воистину: «Животное, как икона, исчезнуть не должно» (Горичева, 2010: 121).

Итак, животные, будучи не хуже людей, страдают не по своей вине и обречены на смертность. Признание безысходности подобной ситуации, отрицание возможности бессмертия для братьев наших меньших, их вхождения в жизнь вечную с богословской точки зрения может рассматриваться как ключевой пункт в решении задачи обратной задаче теодицеи: «Если невзгоды, с которыми человек сталкивается в этом мире, могут — хотя бы в первом приближении — рассматриваться как наказание за грехи, то животные

Е. Е. Звонова

Бессмертие животных в оптике русского космизма: научные и религиозные аспекты

не способны грешить, ибо не знают добра и зла и, получается, страдают безвинно, что ставит под сомнение справедливость и благость Бога» (Храмов, 2022). Неслучайно яркий представитель русского космизма и выразитель духа православия Н. А. Бердяев полагал: «Безобразно забывать об исчезновении хотя бы одного живого существа, примириться с этим. В смерти самой последней, самой ничтожной твари есть что-то невыносимое, и если она не побеждена в том, кого затрагивает, значит, мир не имеет никакого оправдания и его невозможно принять» (Бердяев, 1993: 216). И недаром глубоко укорененная в православии, называющая себя «насквозь христианкой» Т. М. Горичева утверждает: «Животные на генетическом уровне помнят о рае, о любви, соединяющей всех, об отсутствии печали, болезни, вражды. Неужели же им не найдется места в грядущем, вечном раю? Тогда я, как и Бердяев, не приемлю этого скучного, холодного рая» (Горичева, 2010: 179).

Однако христианская традиция дает достаточно оснований полагать, что животные обретут рай, состоящий из свободы от смерти и вражды друг с другом и человеком: «Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Ис. 11:6). Впрочем, существует мнение, согласно которому пребывание в раю животных не означает, что это те самые животные, которые жили когда-то на Земле. Зачастую подчеркивается отличие души животного от человеческой души (Шукин, 2023), обуславливающее исключительное право последней на бессмертие и, соответственно, на обретение Царствия Небесного. Но признание возможности воскресения и последующей вечной жизни животных представляется в большей степени отвечающим не только милосердию Бога, но и Его справедливости. Если Он допускает спасение призванного соответствовать моральным заповедям и преступившего их человека, то тем более должен предусмотреть возможность спасения для существующих вне пространства нравственного долженствования невинных тварей.

Сущностным концептом русского космизма, как известно, является идея всеобщего воскресения и бессмертия. «Всеобщность» по умолчанию чаще всего отождествляется с охватом всех когда-либо существовавших людей. Однако те космические, универсалистские мотивы христианского мировоззрения, которые концентрирует русский космизм, без сомнения, намечают тенденцию к распространению имморталистских идей и на животных. Справедливость данного суждения иллюстрируется, в частности, приведенной выше цитатой из работы Бердяева «О назначении человека». Если сыны и дочери человеческие не могут быть вполне счастливы, сознавая, что их счастье оплачено страданием безвозвратно ушедших отцов, а также умерших братьев и сестер, вполне закономерно невозможно человеческого счастья в случае необратимой смерти животных, братьев наших меньших, которые

мучаются по вине человека. «Не может быть до конца счастлив христианин, если страдает самый последний таракан...» (Горичева, 2010: 132). Тем более если этот таракан умрет и никогда более не вернется к жизни. И не только христианин по букве, но и тот, кто является носителем мировоззренческих паттернов «космичного» христианства, т. е. в большей или меньшей степени практически любой русский человек.

Может показаться, что мы слишком увлеклись «космическим» аспектом православной традиции, забыв о нетождественности русского космизма православию. Действительно, различные мыслители-космисты придерживались разных религиозных убеждений, некоторые из них были людьми вполне светскими. Сам Федоров также обращался ко всем людям, верующим и неверующим; общее дело не было бы общим, если бы к нему были причастны только православные христиане. На первый план здесь выходит дух, а не буква, нравственное содержание, а не религиозная или светская форма. Не столь важно, Бог ли призвал человека к восстановлению его изначального состояния, неизбежно побуждающему преобразовывать, преображать мир, или природа «сама по себе» обладает программой, предполагающей возникновение на определенном этапе развития «активного эволюционера». Будучи православными по происхождению, идеи русского космизма легко переносятся на светскую почву (о феномене проявления паттернов православного мировоззрения в нерелигиозной форме писал тот же Бердяев (Бердяев, 1990)). Парадоксальным образом дух православия утверждается, отрываясь от формы, поскольку освобождается от фарисейского, сковывающего свободу «законничества», «дышит, где хочет».

Весьма символично, что в русском космизме традиционно выделяют два направления — философско-религиозное (Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев) и естественнонаучное (Н. А. Умов, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, Н. Г. Холодный, В. Ф. Купревич). При этом отмеченное деление весьма условно, поскольку тот же П. А. Флоренский был не только религиозным мыслителем, но и прекрасным математиком, а взгляды ученых-космистов, как уже было отмечено, несут на себе печать православного мировоззрения и национального характера. Утверждение о культурном аспекте научных изысканий представителей русского космизма справедливо и применительно к вопросу о бессмертии животных: наука выступает здесь в качестве способа достижения нравственного идеала, восходящего к пронизанной космическими мотивами разновидности христианства.

Так, Вернадский разрабатывал идею автотрофного человечества, выражающую тенденцию к отказу от умерщвления животных, их освобождению от «естественного» порядка взаимного истребления, неразрывно связанного со смертью. Ученый подчеркивал взаимную зависимость человека и других живых существ. С одной стороны, он полагал: «Непосредственный синтез пищи, без посред-

ничества организованных существ, как только он будет открыт, коренным образом изменит будущее человека» (Вернадский, 1993: 301). Действительно, победа над голодом, над ограниченностью ресурсов приближает человечество к преодолению смерти и ведущей к ней взаимной вражды. С другой стороны, о последствиях автотрофности человека Вернадский высказывается следующим образом: «Последствия такого явления в механизме биосферы были бы огромны» (Вернадский, 1993: 302). Иными словами, мыслитель предвидит «перестройку» всей сферы живого, включающей животных. Последние не просто будут избавлены от эксплуатации и умерщвления человеком, но с его помощью смогут сделаться автотрофными и окажутся интегрированными в иную глобальную целостность. Будучи порожденной биосферой, ноосфера преобразует ее, делая еще в большей степени сферой жизни, царством живого, а не мертвого. Закономерным завершением этой тенденции является распространение оптики иммортализма на животных, обеспечение им бессмертия средствами науки.

Отрицание необходимости смерти для живых организмов обосновывает также ботаник и мыслитель-космист В. Ф. Купревич: «Откуда следует, что каждое существо обречено умереть? Обычно отвечают: из наблюдений, опыта. Но опыт ежедневно убеждает нас, что Солнце обращается вокруг Земли... Маркс оставил нам великий принцип: все подвергай сомнению. В применении к науке это означает — проверять время от времени те общепринятые, «очевидные» истины, на которых она покоится» (Купревич, 1993: 348). Купревича, по его собственным словам, учили, что «все живое стареет и как бы содержит в себе семена своей неизбежной смерти». Однако исследователь подверг сомнению эту точку зрения вследствие профессионального изучения мира животных и растений. Биолог рассматривает смерть как феномен, появившийся в ходе эволюционного развития, обеспечивающий возможность возникновения живых организмов, которые наилучшим образом приспособлены к окружающей среде. По сути, смерть служила делу жизни и обусловила появление человека. Однако однажды возникшие, но более не способствующие выживанию биологические механизмы имеют тенденцию отмирать; если смерть становится бесполезной для жизни, она должна умереть, исчезнуть. Недаром Купревич называет ее «историческим анахронизмом» в ситуации, когда человек перестал быть детерминированным естественным отбором, когда его телесность и разумность вполне «установились». Перед наукой стоит задача ликвидации этого анахронизма.

Учитывая перспективу достижения бессмертия средствами науки, есть все основания для того, чтобы распространить ее на животных. С позиций нравственной оптики космизма подобную экстраполяцию можно рассматривать как долг перед предками, ведь существование рода людского обусловлено не только человеческими отцами, но и животными праотцами. Разумеется, для реализации

соответствующего сценария человечество должно стать не только автотрофным, но и вообще не использующим ресурсы, получение которых чревато гибелью для животных. Цель эта также представляется достижимой на пути активной эволюции, ноосферного развития, совершенствования науки и техники, которое позволит удовлетворять потребности, избегая лишения жизни представителей животного мира.

Горичева подчеркивает связь между техникой и смертью, указывая на то, что самые «технические» органы животных состоят из неживого вещества, и подвергает критике технократическую цивилизацию: «Человек забыл, что он создан несовершенным, недостаточным, поэтому и задыхается в отравленном им самим мире. Техника могла бы и служить человеку, как когда-то служили животные, но этот “царь мира” предпочел смерть, она надежнее и функциональнее» (Горичева, 2010: 42). О связи между обожествлением техники и стремлением к смерти, некрофилией говорят и другие мыслители, например, Э. Фромм (Фромм, 2004). Однако, с нашей точки зрения, как «неживые» приспособления защищают жизнь отдельных животных, так и техносфера способна защитить животный мир в целом именно потому, что она «надежнее и функциональнее». Нерационально эксплуатировать и умерщвлять животных, если техника позволяет обойтись без соответствующих действий и получить лучший результат. При использовании настоящих автоматов не возникает соблазна объявить автоматами тех же животных, как то сделал Р. Декарт, чтобы не страдать от угрызений совести. В качестве примера, подтверждающего справедливость высказанного нами мнения, можно привести практику замены подопытных животных роботами или виртуальными моделями, функционирование которых невозможно без технического обеспечения.

Наряду с философско-религиозным и естественнонаучным направлениями русского космизма иногда говорят о его литературно-художественной ветви. Как справедливо замечает А. Г. Гачева: «Образ человека, пуповинно связанного со всей лестницей живого и одновременно являющегося водителем твари, объединяет представителей философского и художественного космизма» (Гачева, 2021б: 66с). При этом разделяющие мироощущение русского космизма представители искусства использовали образы, отсылающие как к православной традиции, так и к науке. Ярким проявлением первой тенденции выступают, например, произведения В. Н. Черыгина, в самобытной творческой манере выразившего воскресительные, преобразовательные мотивы христианства (замечательно, что значительное влияние на художника имел детский опыт спасения больной лошади). Научные идеи о природе времени, об автотрофности привлекали Велимира Хлебникова, ратовавшего за синтез искусства и науки.

Из представителей «космистского» изобразительного искусства тему преобразования, «очеловечивания» животных (а зна-

чит, и их причастности к жизни вечной) наиболее полно раскрыл П. Н. Филонов («Животные», «Коровницы», «Масленица и вывод из зимы в лето» и т.п.): «Превозможение низшей природы, выход за пределы животности поданы здесь выражением лиц и глаз меньшей твари, являющим тайну психеи, сокровенной жизни души» (Гачева, 2021б: 661). Среди поэтов, разделяющих воззрения русского космизма, самым убежденным сторонником братьев наших меньших в борьбе за вечную жизнь был Н. А. Заболоцкий. Его произведения зачастую отсылают читателя к сценам поедания, пожирания, к действиям и картинам, которые предшествуют приему пищи, иллюстрирующему весь ужас смертоносного природного порядка: «Жук ел траву. / Жука клевала птица. / Хорек пил мозг из птичьей головы. / И страхом перекошенные лица / Ночных существ взирали из травы» (Заболоцкий, 1983: 169). Заболоцкий, однако, уповает на возможность переустройства мира тотальной конкуренции и взаимного истребления, в котором не побеждает даже сильнейший, поскольку и он умрет. Поэт, подобно своему учителю и вдохновителю Филонову, создает образы антропоморфных и автотрофных животных, действующих в духе активной эволюции, разумного преобразования мира: «Там кони, химии друзья, / Хлебали ши из ста молекул. / Иные, в воздухе вися, / Смотрели, кто с небес приехал. / Корова в формулах и лентах / Пекла пирог из элементов, / А перед нею в банке рос / Большой химический овес» (Заболоцкий, 1987: 129). Темы родственного отношения к животным, автотрофности, избавления братьев наших меньших от ига смерти характерны также для творчества С. А. Есенина, В. В. Маяковского, Велимира Хлебникова (Семенова, 2016). В знаменитой «Розе мира» Даниила Андреева есть глава «Отношение к животному царству» (Андреев, 2024: 282-305); мыслитель и поэт полагает, что по мере развития человека увеличивается и его долг по отношению к «ниже стоящим» (скорее хочется сказать: «подопечным»). Выдающийся мистик был убежден: необходимо возникновение целой науки — зоопедагогике, которая будет способствовать воцарению любви и гармонии между человеком и ныне страждущей и смертной тварью: «Подход к животным станет нов, / Когда ключом любви и знания / Перевернется до основ / Наука зоовоспитания. / Членораздельнейшую речь / Развив для них усиьем вдумчивым, / Цивилизацию стеречь / Поручим зайцам, зебрам, сумчатым» (Андреев, 1990: 278).

Итак, рассмотрение религиозных и научных аспектов бессмертия животных в оптике русского космизма позволяет сделать вывод о высокой степени его вероятности и желательности с позиций данного философского течения. Помимо этого, можно отметить следующее: сближение и взаимодополнение религиозной и научной точек зрения на один и тот же феномен свидетельствует об отсутствии границ, препятствующих диалогу между учеными и представителями церкви. Подобное суждение может показаться триви-

альным, однако оно весьма актуально и нуждается в обосновании, поскольку культурный миф о противостоянии науки и религии жив и по сей день, порождая ряд негативных последствий (Звонова, 2022). Наконец, соответствие тех христианских воззрений, продолжением и средоточием которых является русский космизм, современным представлениям о необходимости бережного отношения к природе, к животным, позволяет снять с христианства обвинения в том, что его сущностное содержание непременно склоняет к антропоцентристской мегаломании, чреватой экологическим кризисом и спешисизмом.

Библиография

- Андреев Д. Л. (1990). Железная мистерия: Поэма / Предисл. и примеч. В. Грушецкого. М.: Молодая гвардия.
- Андреев Д. Л. (2024). Роза Мира. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус.
- Бердяев Н. А. (1990). Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука.
- Бердяев Н. А. (1993). О назначении человека. М.: Республика. Б-ка этической мысли.
- Библия (2022). Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви.
- Вернадский В. И. (1993). Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли / С. Г. Семенова, А. Г. Гачева (сост.). М.: Педагогика-Пресс. С. 282-311.
- Гачева А. Г. (2021а). «Вселенская месса» П. Тейяра и «внехрамовая литургия» Ф. М. Достоевского и русских религиозных мыслителей // Философические письма. Русско-европейский диалог. Т. 4. № 3. С. 98-129.
- Гачева А. Г. (2020). «Пасха родилась с человеком, не оставит его никогда...». Николай Федоров о смысле Пасхи // Соловьёвские исследования. № 2(66). С. 137-153.
- Гачева А. Г. (2021б). Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей.
- Гачев Г. Д. (1993). Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета.
- Горичева Т. (2010). Блажен иже и скоты милует. Люблина: kud Logos.
- Заболоцкий Н. А. (1987). Вешних дней лаборатория. М.: Молодая гвардия.
- Заболоцкий Н. А. (1983). Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1. М.: Художественная литература.
- Звонова Е. Е. (2022). Христианская и «прометеевская» антропологии: противоречие или сущностное тождество // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 2. С. 84-89.
- Кнорре Е. Ю., Кнорре Б. К. (2022). «Принести исцеление нашей израненной планете»: от экотеологии к метаэтике // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. № 104. С. 157-162.
- Коростиченко Е. И. (2022). Этика отношения к животным и критика христианского антропоцентризма в философии Питера Сингера // Философия. Культурология. Политология. № 4. С. 4-21.
- Криман А. И. (2023). Постгуманизм и современное искусство: пересборка антропоцентристского дискурса в пространстве визуального // Наука телевидения. № 3. С. 21-41.
- Купревич В. Ф. (1993). Долголетие: реальность мечты // Русский космизм: Антология философской мысли / С. Г. Семенова, А. Г. Гачева (сост.). М.: Педагогика-Пресс. С. 345-351.

- Платонова Д. В. (2004). Экологические идеи в русском космизме. Дисс. ... канд. культурологии (24.00.01). М.: РГГУ.
- Семенова С. Г. (2009). Паломник в будущее — Пьер Тейяр де Шарден. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия.
- Семенова С. Г. (2016). Русская литература XIX–XX веков: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект; Парадигма.
- Тютчев Ф. И. (1987). Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, (Библиотека поэта; Большая серия).
- Федоров Н. Ф. (1995–2000). Собр. соч.: в 4 т. / Вступ. ст. С. Г. Семеновой; сост., коммент. А. Г. Гачевой, С. Г. Семеновой. М.: Издательская группа «Прогресс»; Традиция.
- Фромм Э. (2004). Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ.
- Храмов А. В. (2022). Все псы попадают в рай: воскресение животных и проблема теодицеи в западном богословии // Христианское чтение. Научный журнал Санкт-Петербургской духовной академии Русской Православной Церкви. № 2. С. 65–80.
- Щукин Т. А. (2023). Смертное животное, бессмертный человек. Учение Иоанна Филопона о животной душе в V и VI книгах трактата «О сотворении мира» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии Т. 24. № 2. С. 196–209.

Animal immortality in Russian cosmism: Scientific and religious aspects

Ekaterina E. Zvonova, PhD (Philosophy), Associate Professor, Institute of Social Sciences, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University; Senior Researcher, Center for Cosmism Studies, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSES). Trubetskaya st., 8, p. 2, Moscow, 119048, Russia.
E-mail: inflammatur@yandex.ru

Abstract. The article considers scientific and religious aspects of animal immortality in the Russian cosmism philosophy, showing its ideological connection with the Orthodox tradition, for which both “cosmic” and “resurrection”, Easter motifs with significant ecological potential are more typical than for Catholicism and Protestantism. The special place of man in the Christian picture of the world together with anthropocentrism specific to historically Christian cultures do not imply as a mandatory consequence a world-view characterized by the exaltation of man over the world and animals or ethically unjustified speciesism. The article focuses on the specific features of people and animals according to Christianity which emphasizes humanity’s guilt before our smaller brothers due to the fall (loss of the heavenly state) and the human moral non-superiority over animals, providing religious arguments for animal immortality. The author stresses the absence of gap between religious-philosophical and natural-scientific branches of cosmism, since the thinking of cosmists is filled with patterns of the Orthodox outlook and national mentality. Thus, V. I. Vernadsky’s ideas about the autotrophic humanity and its influence on the biosphere are considered as a manifestation of the trend of animal emancipation from the “natural” deadly order, V. F. Kuprevich’s immortalist views — as proving the appropriateness of the immortality-through-science perspective for animals, including the positive role of technology and the ‘animalistic immortalism’ art of the Russian cosmism.

Key words: Russian cosmism, immortality, animals, ecology, anthropocentrism, speciesism, autotrophic humanity

References

- Andreev D. L. (2024) *Roza Mira* [The Rose of the World], Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.

- Andreev D. L. (1990) *Zheleznaja misterija: Poema* [The Iron Mystery: A Poem]. (Predisl. i primеч. V. Grushetskogo), Moscow: Molodaja gvardija.
- Berdyaev N. A. (1990 [1955]) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism], Moscow: Nauka.
- Berdyaev N. A. (1993) *O naznachenii cheloveka* [On Human Purpose], Moscow: Respublika.
- Biblija (2022) *Knigi Svjashchennogo Pisanija Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments], Moscow: Izdatelstvo Moskovskoj Patriarkhii RPTs.
- Fedorov N. F. (1995–2000) *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.] (Vstup. st. S. G. Semenovoj; sost., komm. A. G. Gachevoj, S. G. Semenovoj), Moscow: Progress; Traditsija.
- Fromm E. (2004) *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness], Moscow: AST.
- Gacheva A. G. (2021b) *Chelovek i istorija v zerkale russkoj filosofii i literatury* [Man and History in the Mirror of Russian Philosophy and Literature], Moscow: Vodolej.
- Gacheva A. G. (2020) “Pasha rodilas s chelovekom, ne ostavit ego nikogda...”. Nikolai Fedorov o smysle Pashi [Easter was born with the man, it will never leave him...”. Nikolai Fedorov on the meaning of Easter]. *Solovyovskie Issledovanija*, no 2, pp. 137–153.
- Gacheva A. G. (2021) “Vselenskaja messa” P. Teilharda i “vnekhramovaja liturgija” F. M. Dostoevskogo i russkih religioznyh myslitelej [“Ecumenical mass” by P. Teilhard and “extra-temple liturgy” by F. M. Dostoevsky and Russian religious thinkers]. *Filosoficheskie Pisma. Russko-Evropskij Dialog*, vol. 4, no 3, pp. 98–129.
- Gachev G. D. (1993) *Nauka i natsionalnaja kultura (gumanitarny kommentarij k estestvoznaniju)* [Science and National Culture (A Humanitarian Comment to Natural Science)], Rostov-on-Don: Izdatelstvo Rostovskogo universiteta.
- Goricheva T. (2010) *Blazhen Izhe Iskoty Miluet* [Blessed are Those Who Show Mercy to Cattle], Ljubljana: Logos.
- Khramov A. V. (2022) Vse psy popadajut v raj: voskresenie zhivotnyh i problema teoditsei v zapadnom bogoslovii [All dogs go to heaven: Resurrection of animals and the question of theodicy in Western theology]. *Khristianskoe Chtenie*, no 2, pp. 65–80.
- Knorre E. Yu., Knorre B. K. (2022) “Prinesti istселение nashej izranennoj planete”: ot ekoteologii k metaetike [“Bringing healing to our wounded planet”: From ecoteology to metaethics]. *Vestnik PSTGU, Serija I: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie*, vol. 104, pp. 157–162.
- Korostichenko E. I. (2022) Etika otnoshenija k zhivotnym i kritika khristianskogo antropocentrizma v filosofii Pitera Singera [Ethics of attitude towards animals and critique of the Christian anthropocentrism in Peter Singer’s philosophy]. *Filosofija. Kulturologija. Politologija*, no 4, pp. 4–21.
- Kriman A. I. (2023) Postgumanizm i sovremennoe iskusstvo: peresborka antropocentristskogo diskursa v prostranstve vizualnogo [Posthumanism and contemporary art: A reassembly of the anthropocentric discourse in the visual space]. *Nauka Televidenija*, no 3, pp. 21–41.
- Kuprevich B. F. (1993) *Dolgoletie: realnost mechty* [Longevity: Reality of the dream]. *Russky kosmizm: Antologija filosofskoj mysli* (Ed. by S. G. Semenovna, A. G. Gacheva), Moscow: Pedagogika Press, pp. 345–351.
- Platonova D. V. (2004) *Ekologicheskie idei v russkom kosmizme* [Ecological Ideas in Russian Cosmism] (PhD Thesis), Moscow: RGGU.
- Semenova S. G. (2009) *Palomnik v budushchee — Pierre Teilhard de Chardin* [Pilgrim to the Future — Pierre Teilhard de Chardin], Saint Petersburg: RKhGA.
- Semenova S. G. (2016) *Russkaja literatura XIX–XX vekov: Ot poetiki k miroponimaniju* [Russian Literature in the 19th–20th Centuries: From Poetics to Worldview], Moscow: Akademichesky proekt; Paradigma.

- Shchukin T. A. (2023) Smertnoe zhivotnoe, bessmertny chelovek. Uchenie Ioanna Filopona o zhivotnoj dushe v V i VI knigah traktata "O sotvorenii mira" [Mortal animal, immortal man. John Philoponus' doctrine of the animal soul in Books V and VI of the treatise *On the Eternity of the World*]. *Vestnik RKhGA*, no 2, pp. 196–209.
- Tyutchev F. I. (1987) *Polnoe sobranie stikhotvorenij* [Complete Collection of Poems], Leningrad: Sovetsky pisatel.
- Vernadsky B. I. (1993) *Avtotrofnost chelovechestva* [Autotrophy of the Humanity]. *Russky kosmizm: Antologija filosofskoj mysli* (Ed. by S. G. Semenova, A. G. Gacheva), Moscow: Pedagogika-Press, pp. 282–311.
- Zabolotsky N. A. (1983) *Sobranie sochinenij: b 3 t., T. 1* [Collected Works: in 3 vols., Vol. 1], Moscow: Khudozhestvennaja literatura.
- Zabolotsky N. A. (1987) *Veshnih dnei laboratorija* [Laboratory of Spring Days], Moscow: Molodaja gvardija.
- Zvonova E. E. (2022) Khristianskaja i "prometeevskaja" antropologii: protivorechie ili sushchnostnoe tozhdestvo [Christian and "Promethean" anthropologies: Contradiction or essential identity]. *Medsina. Sotsiologija. Filosofija. Prikladnye Issledovanija*, no 2, pp. 84–89.